

РАЗДЕЛ 5 ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Каиль М. В.

ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОГО УСТРОЕНИЯ В СОЧИНЕНИЯХ И ДНЕВНИКАХ ЦЕРКОВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.¹

Радикальные социальные трансформации с очевидностью меняют сознание современников революционных событий. Не исключение и церковное общество, менявшееся под влиянием событий отечественной истории XX в. Оно оказалось революционизировано, уже с начала XX в. жило в ожидании перемен, и мыслящие его представители стремились осознать и описать образ будущего, представить свое понимание путей исправления многочисленных «нестроений» в церковной жизни, также осознанных с приходом эпохи модерна. Вместе с тем, радикальное переустройство жизни сформировало и группу последовательных традиционалистов – людей «старого мира» и порядка, сохранявших свою приверженность уходящей в прошлое эпохе и ее ценностям.

Современные исследования убедительно дезавуировали миф о «золотом веке» православия якобы длившемся вплоть до революционных событий 1917 г. и показали объем и радикальный характер накопившихся проблем, как в церковном управлении, так и в нравах, практиках построения приходской жизни, коммуникации церкви (клира) и мира [7; 10].

Революционные события нашли отражение не только в мемуаристике, но и в публицистике – проблемных текстах церковных авторов, пытавшихся осмыслить церковную современность и, что особенно ценно, предложить пути и способы исправления ситуации. Подобных рефлексивного уровня текстов немного. Единицы из них можно встретить в фондах органов церковного управления (консистории) в региональных архивах; большинство же – в фондах структур Св. Синода (РГИА, ф. 796, 797). Особый интерес в этой связи представляют материалы, отложившиеся в фонде «Рукописи Синода» (ф. 834 РГИА), отдельные из них представляют собой сочинения, обстоятельные богословские работы, представленные на суд и усмотрение церковной администрации в лице Синода.

Уже в начале XX в. интеллектуальное крыло православия было охвачено влиянием модернизма, поставившего вопрос о дальнейших судьбах веры. И ключевым в свете трансформационных влияний эпохи стал вопрос чистоты веры и искренности исповедания – осмысленности православия и практикуемых в церкви таинств, ставших для большинства современников рутинизированными обрядами, сформировав «обрядоверие» – заметное явление – характеристику российского православия той эпохи, означающее приверженность к воспроизведению устоявшихся церковных практик без рефлексивного осмысления и переживания их сути, без понимания церковно-канонического значения и звучания в устройении христианской жизни.

В своих письмах и богословских трактатах, адресованных священноначалию Русской церкви православные авторы стремились изложить свое видение оживления и очищения нравов и практик Церкви. К сожалению, церковь переживала, как и все общество эпохи, системный кризис, значимой чертой которого было отрицание официально-управленческими структурами назревших проблем. Это обстоятельство и не позволило отдельным голосам быть услышанными и инициировать столь необходимые изменения. Советская же эпоха, поставившая церковное общество на грань физического выживания, не способствовала рефлексии о духовных проблемах и созданию обстоятельных текстов – данная проблематика переместилась на страницы частных дневников, каждый из которых обладая уникальностью и искренностью закрытого от потенциального читателя текста составляет значительную познавательную ценность.

В начале XX в. церковная интеллигенция продуцировала немало интереснейших идей. В 1910 г. епископ Могилевский и Мстиславский Стефан (Архангельский) писал Синоду «с обсуждением вопроса об основных началах уклада русской церкви» [6]. В то же время анонимный автор направил Синоду обстоятельную (рукопись в 60 листах) записку «О состоянии Православной церкви в России», в которой обзирал многие болезненные и значимые вопросы церковной жизни [5]. Неравнодушный автор, подобно пророкам древности после событий февраля 1917 г. возопил: «Свершилось. Грех, гордости, любоначалия и жестокаго эгоизма погубил старую власть земли Русской...» [5, л. 2]. Много писал об облике духовенства, зовя собратьев к изменению и обновлению: «Кто был горд, честолюбив – покайся, дай место кротости и смирению. Кто стремится обогатиться, пораздумай, перецени свои богатства и окажи своевременную помощь нуждающимся». Он в

¹ Подготовлено при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 19–78–00120

сравнительном контексте имперских административных расходов, обращался к вопросу жалования духовенству – в нем он видел важное условие для отказа от вынужденной и мучительной зависимости священников от доходов за совершение треб. В то время, когда некоторые святители призывали открыть двери храмов и колокольным звоном встречать первомой (!) [1, л. 1] этот вдумчивый церковный автор четко разделял захватывающий все общество политический контекст и пастырское служение: «Вон политику из храмов. Пусть это остается ведать мирянам, пусть они устанавливают сами свои человеческие законы, устройство и управление. Сохраним святое место алтаря Божия, чистоту пастырской проповеди с апостольских амвонов».

Но общество уже было поляризовано и кто-то из среды духовенства напротив призывал к социальному активизму и жаждал его, недальновидно полагая, что нахождение в авангарде преобразующих тенденций будет способствовать повышению значимости и влияния духовенства в обществе. Свидетельств такой революционизации и определенной эмансипации сознания церковных деятелей немало и революционные волны подогревали подобные настроения [8, с. 87, 90–91, 109–110, 131–132].

Последовавшее «погружение в бездну» надолго сделало любые теоретизации и обсуждения обновления в церкви неактуальными. Исключением в этом плане было зарождение политизированного обновленчества в 1922 г. и реакция церковного сообщества на «декларацию» заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. В 1922 г. общественная полемика была еще возможна если и не на страницах печати, то с церковных амвонов, в проповедях епископата и священства – она звучала. На фоне церковного сопротивления изъятию церковных ценностей и обновленчества (кампании развивались синхронно) началась волна арестов и следственных действий в отношении духовенства и активных верующих: в 1922 г. прошли масштабные и болезненные для церкви Московский и Петроградский процесс над духовенством, а также ряд показательных судов в регионах, где сопротивление государственным антицерковным действиям было самым значительным. В результате ряд антропологически емких источников отложился в следственных делах. Иные из показаний и свидетельств православных имели исповедальный характер и содержали развернутые суждения и отношения православных к текущим социально-политическим событиям.

Потенциал событий 1927 г. был для православного сознания еще более детонирующим: впервые церковное общество оказалось на пороге реального раскола по принципу признания / непризнания конформистской позиции митрополита Сергия. Цена относительной легализации деятельности была велика: заявление митрополита содержало тяжелые для восприятия православными уже прошедшими ссылки и лагеря, суждения: «показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством» и «нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи» [4, с. 2]

Это заявление породило болезненные церковные разделения: движение иосифлян и непоминаящих и побудило появление нескольких значимых полемических документов, отражающих состояние сознания значимой части православных эпохи. В частности, «Послание соловецких епископов», самим своим положением в заключении свидетельствующее о неблагоприятности отношений государства и церкви. В частности, архипастыри отмечали «о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и Государства. Церковь не может взять на себя перед государством, какова бы ни была в нем форма правления, обязательства считать "все радости и успехи государства своими успехами, а все его неудачи своими неудачами", т. к. всякое правительство может принять решения безрассудные, несправедливые или жестокие, которым Церковь бывает вынуждена подчиниться, но не может им радоваться и одобрять их» [9, с. 232–234].

Соловецкие узники хорошо понимали мотивы заявления митрополита Сергия и свидетельствовали о пользе самого политического заявления, но положения непримиримые с совестью и уже отозвавшиеся сомнением в сердцах верующих порицали и развенчивали. В скором же времени, с изменением вектора государственной внутренней политики и «годом великого перелома» поднимется новая волна репрессий рубежа 1920-х – 1930-х гг., отраженная уже исключительно в материалах архивно-следственных дел православных [3]. Характер следственных действий в эту пору способствовал фиксации порою достаточно пространных и обстоятельных суждений подследственных. Особенно информативны и психологичны материалы приобщенные к т. н. «делу истинно-

православной церкви» 1930–1931 гг. : они не только раскрывают особенности построения и управления децентрализованной к тому времени церковной организации (отражают религиозную повседневность служителей церкви и модели формирования общин), но и передают личностное восприятие взаимоотношений с властями православных, их ожидания (в том числе распространенные – эсхатологические) [2, с. 382–392].

В 1940-е гг. церковь вошла в особое положение, буквально в осколках своей институциональной структуры и почти без пастырей. Встретив потепление в отношениях с государством в 1943 г. она начала институциональное возрождение, сопровождавшееся сменой поколений и приходом в церковь советизированных пастырей и паствы. Тем интереснее взгляд на эти реалии последних из поколения дореволюционной церкви. Большинство живших в эту эпоху православных избрали для себя путь социального изоляционизма – ушли в содержательное исповедание, внутреннюю духовную жизнь с сопутствующим избеганием всего мирского, тем более политического. Таковы например записки и письма к духовным чадам игумена Никона (Воробьева) (1894–1963), которым чужды социальные реалии. Лишь редчайшие из дневников эпохи содержат социальный план. К числу таких относится и дневник рославльского священника Всеволода Корицкого, ушедшего из жизни 90-летним старцем в начале 1954 г. Этот дневник представляет собой записи последних двух лет жизни, когда пастыря одолевают болезни, он завершает свое настоятельство и активное служение, последние события которого отличаются и новыми трудностями во взаимоотношениях со светскими властями и определенным непониманием с духовными (к старцу не прислушиваются в определении преемника на приходе, а пенсию приходится испрашивать в долгой переписке с епископом и даже патриархией, тем временем группа прихожан храма, где много лет настоятельствовал о. Всеволод жалуется на него, когда по немощи он не может совершать все службы Великого поста и Пасхи 1953 г.). Конечно, такие дневниковые записи казуальны, но в значительной степени и непосредственно они отражают настроения времени, приоритеты прихожан новой эпохи и стиль руководства священноначалия.

Личные источники с непосредственностью и ясностью, вне привычных трактовок и схем, отражают изменения в церковной среде, а потому задача их поиска и публикации – ключевая в реализации социально-исторического подхода к изучению новейшей истории православия.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 550. Оп. 1. Д. 108.
2. Каиль, М. В. «Великий перелом» в судьбах православных российской провинции 1929–1931 гг. : судебные процессы и новая репрессивная практика / М. В. Каиль // 1929: «Великий перелом» и его последствия : материалы XII Международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2020. – 504 с.
3. Каиль, М. В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918–1920-х гг. / М. В. Каиль // Отечественные архивы. – 2012. – № 4. – С. 59–67.
4. Послание заместителя патриаршего местоблюстителя, митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Священного Синода // Известия ВЦИК. – 1927. – 18 августа.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 834. Оп. 4. Д. 636.
6. РГИА. – Ф. 834. Оп. 4. Д. 637.
7. Rogoznyy, P. G. Православная Церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920 / П. Г. Rogoznyy. – М. : Весь мир, 2018. – 304 с.
8. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост. М. А. Бабкин. – М. : Индрик, 2006. – 504 с.
9. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996. – 328 с.
10. Фриз, Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи : сборник статей / под ред. П. Rogoznoy. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. – 352 с.

Мясоедова С. Н.

**«ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ НИКИФОРА ЯКОВЛЕВА
В ОГРАБЛЕНИИ ГРАЖДАНИНА ИОСИФА РИММЕРА»
В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВИТЕБСКОГО ПОГРОМА 29 АПРЕЛЯ 1918 ГОДА**

Одним из знаковых событий апреля 1918 г. в РСФСР стало повсеместное разоружение различных групп, именующих себя анархистами под предлогом того, что в стране произошел ряд вооруженных выступлений, сопровождавшихся насилием и грабежами. В операциях принимали участие отряды ВЧК, милиция, красноармейские части.

Самым цитируемым источником по истории выступления анархистов в Витебске является статья губернского военного комиссара Семена Николаевича Крылова «Военная работа», опубликованная в сборнике статей, воспоминаний и материалов «Красная быль. Большевики в Витебске» в 1923 г. В задачи С. Н. Крылова входило руководство операцией по ликвидации как выступления,